

После

БРАКА

Я КУПЛЮ ТЕБЕ
НОВУЮ ЖИЗНЬ

Инна Вронская

**После Брака. Я куплю
тебе новую жизнь**

«Автор»

2026

Вронская И.

После Брака. Я куплю тебе новую жизнь / И. Вронская —
«Автор», 2026

— Что... что это было, Сергей? Что они говорили? Сын? Шесть лет? Это правда? Он смотрит на меня так, будто я не его жена, а подчиненный, допустивший грубейшую ошибку. — Твое дело — поддерживать мой авторитет Адмирала. А не подслушивать сплетни за дверями. — Весь городок, говорят, в курсе! У тебя есть ребенок? От другой женщины? Ответь мне! Он делает шаг ко мне. — Да. Есть сын. Ему шесть лет. Его зовут Артем. И любовница тоже есть. — Ты мне ребенка не родила, — перебивает он четко, отчеканивая каждое слово. — Десять лет. Врачи, процедуры, потраченные деньги. Результата ноль. Мне нужен наследник. Но как только я заговорила о разводе, сразу же услышала от мужа лишь одно: — Ты зажралась, жена адмирала! — говорит он яростно. — Забыла, кто ты! Забыла, в каких дырявых сапогах и дешевом пальто ко мне пришла! Пойдем, я напому тебе, кто ты есть на самом деле! Напому, кем бы ты была, если бы не я! Я все помню, Сергей, и обязательно отплачу тебе за это и за измену!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Инна Вронская

После Брака. Я куплю тебе новую жизнь

Глава 1

Я смотрю на стрелки часов и чувствую, как внутри все сжимается. Семь вечера. Его самолет приземлился три часа назад. Значит, сейчас он должен уже подъезжать. Месяц. Целый месяц я не видела его, не слышала его голоса. Только короткие смс: «Все в порядке. Не звони».

Я поправляю скатерть в сотый раз. Проверяю, стоят ли идеально симметрично бокалы. Утка по-пекински с хрустящей корочкой — его любимое блюдо. Я училась готовить его три дня у шефа из ресторана. Салат с трюфелями. Дорогое бордо, которое он привез из последней командировки во Францию. Все должно быть безупречно. Как он любит.

Мои руки слегка дрожат, когда я зажигаю свечи. От их теплого света становится чуть уютнее в этой большой холодной квартире. Десять лет мы живем здесь. Десять лет я жду его у этих окон, смотрю на темнеющую улицу и считаю дни до его возвращения.

Звук ключа в замке заставляет мое сердце сделать сальто. Я быстро подхожу к зеркалу в прихожей — поправить волосы, провести пальцем под глазами. Я надела его любимое синее платье. Говорит, что в нем цвет моих глаз становится глубже.

Дверь открывается.

Он заполняет собой все пространство. Сергей. Мой муж. Контр-адмирал Сергей Ланцов.

Даже уставший после долгого перелета, он выглядит так, будто сошел с обложки журнала. Высокий, под метр девяносто, с такой осанкой, словно у него вместо позвоночника стальной прут. Шинель с мокрыми от снега плечами, фуражка в руке. Его волосы, темные с проседью у висков, коротко стрижены. Лицо — будто высеченное из мрамора резцом сурового скульптора: высокий лоб, резкие скулы, упрямый подбородок с небольшой ямочкой, которая появляется только когда он улыбается. А он улыбается так редко.

Но главное — его глаза. Серые, цвета балтийского моря перед штормом. Глубокие, пронзительные, все видящие. Сейчас в них — только усталость и легкое раздражение.

— Сережа, — говорю я, подставляя щеку для поцелуя.

Его губы сухо касаются моей кожи. Холодные. Быстрые. Запах морозного воздуха, дорогого одеколona и чего-то неуловимого, только его — сильного, мужского, властного.

— Тамара, — кивает он коротко, сбрасывая шинель мне в руки, даже не глядя. — В прихожей сквозняк. Проверь уплотнитель на двери.

— Я... Хорошо, проверю. Ты голоден? Я приготовила ужин.

Он проходит в гостиную, его тяжелые, уверенные шаги гулко отдаются по паркету. Я вешаю шинель, стараясь сделать это бесшумно, и следую за ним. Он уже сидит во главе стола, разливает себе вино. Его движения точные, экономные, лишённые суеты.

— Садись. Что стоишь?

Я сажусь напротив, стараясь не скрипеть стулом. Наливаю себе воды. Рука предательски дрожит, и вода слегка расплескивается.

— Прости.

Он ничего не отвечает. Пробует утку. Жует медленно, оценивающе. Его взгляд становится пристальным. Он кладет вилку.

— Пересушили. Корочка не хрустит, а ломается. И в салате перебор с трюфельным маслом — забило все остальные вкусы.

Каждое слово — как пощечина. Месяц ожидания. Три дня у плиты. Слезы наворачиваются на глаза, но я глотаю их. Он ненавидит, когда я плачу.

— Прости, я... В следующий раз...

— В следующей командировке, — поправляет он холодно, отпивая вина. — Завтра с утра начинай собирать вещи. Самые необходимые. Остальное — на хранение или продать.

Я смотрю на него, не понимая.

— Какие вещи? Куда?

Он ставит бокал, и хрусталь звенит тревожно.

— Получил назначение. Командующим базой в Североморске. Закрытый городок. Квартиру там уже подготовили. Выезжаем через неделю.

В ушах начинает шуметь. Североморск. Я была там однажды, навещая отца. Серые панельные дома, пронизывающий ветер с моря, вечная зима.

— Но... Сергей... А врачи? Наша процедура? Ты же обещал! В твой отпуск мы должны были сделать последнюю попытку ЭКО! У меня уже все анализы, протокол назначен! Там, на Севере, таких специалистов нет!

Его лицо становится каменным.

— Там есть отличный госпиталь. Флотские врачи. Справятся.

— Справятся с чем? С ЭКО? Это же узкая специализация! Это наш последний шанс! Мы десять лет пытаемся, я...

— Приказ есть приказ! — его голос, низкий, стальной, режет воздух. — Ты слышала меня, Тамара? Через неделю мы едем. Ты — жена адмирала. Твоя задача — создать надежный тыл. И не обсуждать мои действия.

Я чувствую, как комок подступает к горлу. Но я держусь. Держусь изо всех сил, как учила меня мама: «Муж — капитан. Ты — его штурман. Штурман не спорит с капитаном».

— А... Надолго? Назначение?

— На постоянной основе. Свяжись с грузчиками завтра. Мебель не берем — там все есть. Постоянной основе. Значит, на годы. Значит, прощай, Москва. Прощай, клиника, где за пять лет я стала почти своим человеком. Прощай, последняя надежда.

Он встает. Его фигура, мощная и несокрушимая, отбрасывает на меня длинную тень.

— Устал. Идем спать.

Это не предложение. Это команда. Та самая, которую он отдает каждый раз после долгой разлуки. «Идем спать» означает «исполни супружеский долг». Быстро. Молча. По расписанию.

Я поднимаюсь следом, как солдат, идущий на нелюбимое задание. В спальне он уже раздевается. Я, краем глаза, вижу его тело — подтянутое, сильное, со шрамом на боку от давней операции и татуировкой — якорь, обвитый цепью. Тело воина. Не мужа.

Он гасит свет.

Темнота. Привычная темнота наших близостей. Я знаю этот ритуал. Никаких нежностей. Никаких поцелуев. Только тяжесть, короткое сдавленное дыхание у виска и чувство страшной, ледящей отстраненности. Когда-то я думала, что это из-за его усталости. Из-за стресса командования. Теперь я просто молчу и смотрю в темноту над его плечом.

Он засыпает почти мгновенно, повернувшись спиной. Его дыхание ровное, спокойное. Я лежу неподвижно, слушаю этот звук и смотрю в потолок, где колеблются отблески уличных фонарей.

Североморск. Это приговор. Приговор моей мечте о ребенке. О сыне, которого я так хотела ему родить. Для которого берегла силы все эти годы. Ради которого терпела его холодность, его приказы, его солдафонские замашки в быту.

Я тихо поворачиваюсь на бок, лицом к его широкой, непробиваемой спине. И шепчу в темноту, зная, что он не услышит:

— Я так хотела нашей дочки, Сергей... Или сына... Чтобы он был похож на тебя... Чтобы в доме был детский смех...

Ответом мне служит только его ровное, властное дыхание. Оно заполняет всю спальню. Всю мою жизнь.

Я закрываю глаза. Вспоминаю того лейтенанта, за которого вышла замуж десять лет назад. Высокого, статного, с обаятельной улыбкой и глазами, в которых тогда еще светилося что-то теплое. Он был героем в глазах моего отца-капитана. Идеальной партией. Мечтой.

Куда девался тот человек? Или его никогда не было? Может, я просто хотела видеть то, чего не было?

Но я любила его. Люблю до сих пор. Эту его силу. Эту негибкость. Даже эту жестокую холодность. Она как наркотик — от нее больно, но без нее уже не можешь.

Через неделю Североморск. Закрытый городок. Вечная зима. И никаких врачей. Никакой надежды.

Я открываю глаза и смотрю на его спину. На широкие плечи, которые должны были быть моей опорой, а стали моей тюрьмой.

— Я все равно буду надеяться, — шепчу я еще тише. — Чудо случается. Должно же оно случиться и со мной.

Он всхрапывает во сне. Поворачивается на другой бок. Его лицо в полусвете кажется суровым даже во сне.

Я отворачиваюсь к стене. И тихо-тихо плачу в подушку, чтобы он не услышал. Чтобы никто не услышал. Как плачу уже десять лет. Каждую ночь, когда он в море. И каждую ночь, когда он рядом.

Завтра я начну собирать вещи. Как он приказал. Потому что приказ мужа для меня — закон. Потому что я — жена адмирала Ланцова. И это единственное, чем я живу и дышу.

Глава 2

Неделя пролетела как один сплошной кошмар. Упаковка вещей, прощание с квартирой, короткий визит к родителям — мама плакала, отец хмуро молчал и крепко жал мне руку. Самолет, потом военный транспорт, и вот мы здесь.

Североморск встречает нас пронизывающим ветром, который пробирается даже сквозь самую теплую одежду. Серое низкое небо будто придавливает к земле. Панельные дома, окрашенные в унылые синие и желтые цвета, стоят ровными рядами, как солдаты на плацу. Снег здесь не белый, а какой-то грязно-серый от угольной пыли и выхлопов. И холод. Холод, который не просто морозит кожу, а проникает внутрь, в самые кости.

Сергей идет впереди, не оглядываясь. Его шинель развевается на ветру, он несет свой офицерский чемодан так легко, будто в нем перья. Мои руки замерзли еще в аэропорту, пальцы плохо слушаются.

— Быстрее, Тамара. Не отставай.

Его голос доносится ко мне сквозь вой ветра.

Наш новый дом — пятиэтажка на центральной улице городка. Подъезд пахнет хлоркой и сыростью. Лифт с скрипом поднимает нас на четвертый этаж. Квартира, которую Сергей назвал «уже подготовленной», оказывается типичной «хрущевкой» с недавним ремонтом. Чистые обои, новая сантехника, но та же убогая планировка, низкие потолки. После нашей московской квартиры это выглядит как клетка.

— Приведешь здесь все в порядок завтра, — говорит Сергей, сбрасывая шинель на стул. — Сегодня отдыхай.

Он говорит это так, будто я только что завершила долгий переход через горы, а не сидела все время в транспорте. Но я молчу. Просто киваю.

Первый вечер мы проводим в молчании. Сергей разбирает документы в кабинете — маленькой комнатке, куда он сразу же поставил свой походный сейф. Я раскладываю немногие привезенные вещи, вешаю в шкаф наши одежды. Его костюмы и мои платья висят рядом, но между ними — целая пропасть.

На следующее утро он уходит на службу рано, даже не позавтракав. А я остаюсь одна в этой чужой, холодной квартире и понимаю, что должна что-то делать. Иначе сойду с ума. И я решаю устроить вечер знакомств. Пригласить жен офицеров его нового штаба. Показать, что я — достойная жена адмирала. Что я умею быть хозяйкой даже в этом медвежьем углу.

Три дня уходит на подготовку. Я нахожу на местном рынке более-менее приличные продукты, пеку пироги по маминому рецепту, достаю из запасов хороший коньяк и вино, привезенные из Москвы. Сергей, когда сообщаю ему о вечере, лишь хмыкает:

— Не перестарайся. Здесь народ простой.

Но я хочу «перестараться». Хочу, чтобы у нас здесь был хоть какой-то круг общения. Чтобы эта жизнь не превратилась в полную каторгу.

Вечер пятницы. Я стою у зеркала в гостиной, поправляю темно-зеленое бархатное платье — элегантное, но не вычурное. Накрасилась чуть ярче обычного — здесь, кажется, все носят больше косметики. Сергей в парадном кителе выглядит так, будто готовится принять парад. Он осматривает стол, расставленные закуски, кивает одобрительно. Единственный знак одобрения за всю неделю.

Первые гости приходят ровно в семь. Сначала осторожные, с любопытством разглядывающие меня, нашу скромную, но старательно украшенную квартиру. Потом еще и еще. Вскоре в гостиной шумно. Мужчины — офицеры разного возраста и званий — быстро находят общий

язык с Сергеем. Женщины — разномастные, от совсем молодых до моих ровесниц, одетые в яркие платья и дорогие, но безвкусные наряды — окружают меня.

— О, Тамара Сергеевна, как мило! Вы прямо из Москвы? Ну как, страшно здесь у нас? Холодно?

— Супруг ваш — герой, мы все статьи о нем читали! Как вам живется с таким человеком?

Вопросы сыплются как из рога изобилия. Я стараюсь отвечать легко, улыбаться, шутить. Рассказываю про Москву, про наш быт. Чувствую на себе оценивающие взгляды. Я — «москвичка», «новая», «жена начальника». Мне нужно выдержать этот экзамен.

— А дети у вас есть? — вдруг спрашивает полная блондинка лет сорока, жена капитана первого ранга. — С таким-то мужчиной наверняка уже целый взвод?

Тишина наступает внезапно. Даже мужчины у окна, смеявшиеся над какой-то шуткой, замолкают. Все смотрят на меня. Я чувствую, как кровь отливает от лица.

— Нет, — говорю я, и мой голос звучит как-то странно тихо. — Нет детей.

— Ой, что ж вы так! — восклицает другая, худощавая рыжая. — Надо стараться! Хотя с такими командировками у наших мужей, конечно...

— Тамара, принеси еще коньяк из кабинета, — раздается спокойный, но не допускающий возражений голос Сергея. Он стоит в дверях, и его взгляд, ледяной и острый, заставляет рыжую замолкнуть на полуслове.

Я с благодарностью киваю и ухожу на кухню, будто за коньяком, но на самом деле — чтобы перевести дыхание. Чтобы сжать дрожащие руки и не заплакать. Через пять минут возвращаюсь с бутылкой. Тема детей больше не поднимается.

Вечер продолжается. Мужчины переходят к нардкам и разговорам о службе. Женщины, уже изрядно выпившие, обсуждают местные сплетни, цены, новые поставки норвежской косметики в единственный приличный магазин. Я собираю пустые тарелки, несу их на кухню. Здесь, за стеной от гостиной, я могу на секунду расслабиться. Прилечь к холодильнику и закрыть глаза.

Именно в этот момент я слышу голоса из прихожей. Туда вышли две женщины — та самая полная блондинка и ее подруга, чтобы поправить макияж у зеркала. Они думают, что их не слышно.

— ...ничего не знает, бедняжка. Сидит, улыбается, как дурочка.

— Ну как может не знать? Шесть лет мальчишке, скоро в школу пойдет. У нас весь городок в курсе.

— А Москвичка что не знает что у Ланцова сын тут, шесть лет скоро? — смеется блондинка, и ее смех звучит противно, ядовито. — Вот чудная, ничего там в своей Москве не слышит не видит. Думает, муженек верный, только в море плавает...

У меня перехватывает дыхание. Мир вокруг плывет, сужается до узкого тоннеля. Тарелки выскальзывают из моих рук и с оглушительным грохотом разбиваются о кафельный пол. Белый фарфор разлетается на тысячи острых осколков.

В дверях кухни появляется Сергей. Его лицо — маска холодной ярости.

— Что здесь происходит? — его голос режет тишину.

Женщины в прихожей резко замолкают и быстро уходят в гостиную. Я смотрю на осколки у своих ног, потом на него. Не могу вымолвить ни слова.

— Убери, — коротко бросает он и возвращается к гостям.

Остаток вечера проходит как в тумане. Я убираю осколки, мою пол, вытираю столы. Улыбаюсь гостям на прощание. Жму руки. Делаю все автоматически. Внутри — пустота и оглушительный рев, заглушающий все остальные звуки.

Последний гость уходит. Дверь закрывается. В квартире воцаряется тишина, нарушаемая только тиканьем часов в гостиной.

Сергей снимает китель, вешает его на спинку стула. Его движения медленные, точные. Он поворачивается ко мне.

— Ну? — говорит он одним словом.

Я поднимаю на него глаза. Во рту пересохло.

— Что... что это было, Сергей? Что они говорили? Сын? Шесть лет? Это правда?

Он смотрит на меня так, будто я не его жена, а подчиненный, допустивший грубейшую ошибку.

— Твое дело — поддерживать мой авторитет. А не подслушивать сплетни за дверями.

— Это сплетни?! — мой голос срывается на крик, которого я сама от себя не ожидала. —

Они сказали это так уверенно! Весь городок, говорят, в курсе! У тебя есть ребенок? От другой женщины? Ответь мне!

Он делает шаг ко мне. Его лицо приближается, и я вижу в его глазах не раскаяние, не смущение, а холодное, безразличное презрение.

— Да. Есть сын. Ему шесть лет. Его зовут Артем.

Каждое слово — как удар ножом. Точный, расчетливый, в самое сердце.

— Как... — я задыхаюсь. — Как ты мог? Все эти годы... Я ждала тебя... Я верила... Мы пытались завести ребенка! А у тебя уже был...

— Ты мне ребенка не родила, — перебивает он четко, отчеканивая каждое слово. — Десять лет. Врачи, процедуры, потраченные деньги. Результата ноль. Мне нужен наследник. Продолжение фамилии. Раз ты не справилась — я нашел того, кто справился.

Я чувствую, как по щекам текут горячие слезы. Я не пытаюсь их смахнуть.

— И... И где она? Эта... женщина?

— Здесь, в городке. Живет своей жизнью. Сын при ней. Я обеспечиваю их. И ты не будешь вмешиваться. Ты — жена адмирала. Твоя задача — держать марку. Улыбаться гостям. Вести дом. Остальное — не твоего ума дело. В закрытом городке об этом все знают, но делают вид, что не знают. Так принято. Поняла?

Его спокойствие, его цинизм сводят меня с ума. Вся боль, все унижения этих лет поднимаются комом в горле. И прежде чем я сама понимаю, что делаю, моя рука взлетает и со всей силы бьет его по лицу.

Звук пощечины оглушителен в тишине.

На щеке Сергея проявляется красный след от моих пальцев. Но выражение его лица не меняется. Только глаза становятся совсем пустыми, ледяными. Мертвыми.

Он медленно, слишком медленно, поворачивает голову ко мне. И тогда я вижу в них такую ярость, от которой кровь стынет в жилах.

— КАК ТЫ ПОСМЕЛА ПОДНЯТЬ НА МЕНЯ РУКУ? — его рык сотрясает стены. Он хватается за плечи так, что мне больно. Его пальцы впиваются в мою кожу сквозь ткань платья. — КТО ТЫ ТАКАЯ, ЧТОБЫ МНЕ ВОЗРАЖАТЬ? Я ТЕБЯ ИЗ ГРЯЗИ ВЫТАЩИЛ! Я ТЕБЕ ВСЕ ДАЛ!

Сергей стремительно пересекает комнату, распахивает дверь в спальню, подходит к шкафу и с размаху выбрасывает на пол все мои платья, кофточки, юбки. Потом хватается за мою шкатулку с украшениями — скромные вещи, большинство подарки от него, — и высыпает ее содержимое поверх одежды. Бусы, серьги, кольца рассыпаются по полу с мелодичным, издевательским звоном.

— Ты зажралась, жена адмирала! — он стоит над этой кучей моего разбитого мира, его грудь тяжело вздымается. — Забыла, кто ты! Забыла, в каких дырявых сапогах и дешевом пальто ко мне пришла! Забыла свою деревянную халупу на окраине!

Он наклоняется, хватается с пола мои зимние сапоги, те самые, теплые и практичные, которые я купила специально для севера, и швыряет их мне в ноги.

— А ну, надевай! Быстро! И пальто тоже! Пойдем, я напому тебе, кто ты есь на самом деле! Напому, кем бы ты была, если бы не я!

Глава 3

Сергей ведет меня к служебной машине темно-серого цвета. Открывает заднюю дверь не как для жены, а как для арестанта.

— Садись.

Я втискиваюсь на холодное сиденье. Он хлопает дверью, садится за руль, заводит двигатель. Машина резко трогается с места, подбрасывая меня. Я смотрю в боковое окно на проплывающие мимо темные силуэты домов. Огней в окнах почти нет. Городок засыпает рано.

Мы едем не по центру, а куда-то на окраину. Дорога становится хуже, асфальт сменяется укатанным снегом. Фары выхватывают из темноты покосившиеся заборы, сараи, бельевые веревки с замерзшим бельем. Это уже не офицерская часть городка, а какая-то старая, почти деревенская его часть.

Машина резко останавливается. Сергей выходит, делает несколько шагов вперед и поворачивается ко мне. Его лицо в свете луны кажется высеченным из льда.

— Выходи.

Я медленно открываю дверь, ступаю на жесткий снег. Перед нами — небольшой деревянный дом, типичная северная изба, но ухоженная. С резными наличниками, с трубой, из которой валит густой дым. В окнах теплится желтый свет. Занавески не задернуты.

— Подойди ближе, — говорит Сергей, и в его голосе звучит странная, почти торжествующая нотка.

Я делаю несколько шагов. Мне не хочется подходить, но ноги двигаются сами. Я заглядываю в окно.

И замираю.

В кухне, за столом, стоит молодая женщина. Лет двадцати пяти, не больше. Длинные светлые волосы заплетены в толстую косу. Миловидное круглое лицо, большие глаза. Она что-то мешает в большой миске, видно, тесто. На столе уже стоят несколько пирогов, румяных, с аппетитной корочкой. Дом полон уюта, тепла, какого-то простого, непритязательного счастья, которого не было никогда в наших стерильных, идеальных квартирах.

А потом я вижу мальчика. Он сидит на полу у печки, что-то собирает из конструктора. Темноволосый, с серьезным лицом. И с такими знакомыми, до боли знакомыми чертами. Высокий лоб. Разрез глаз. Упрямый подбородок. Это маленькая, шестилетняя копия Сергея. Копия, которой у меня никогда не будет.

Мир переворачивается. Ноги подкашиваются. Я хватаюсь за холодный деревянный подоконник, чтобы не упасть.

— Вот мое будущее, Тамара, — говорит за моей спиной спокойный, мерный голос. — Полноценное. С наследником. С женщиной, которая не ноет о врачах и процедурах, а просто печет пироги и растит сына.

Я отрываюсь от окна и поворачиваюсь к нему. Вижу его лицо — не каменное уже, а оживленное. В его глазах, смотрящих на окно, светится то, чего я никогда не видела, когда он смотрел на меня. Гордость. Признание. Спокойная уверенность.

— Если будешь подчиняться, если примешь правила игры, у нас тоже еще могут быть дети, — продолжает он, и его слова падают на меня как удары плетью. — Я никого из вас не забуду. Всех обеспечу поровну. Квартира здесь — тебе. Этот дом — им. Деньги поделю. Можно жить и не пересекаться. В закрытом городке все устроено.

Вся моя молодость, все десять лет ожидания, надежд, унижительных походов по врачам, одиноких ночей — все это поднимается во мне такой волной ярости и боли, что я, кажется, могу задохнуться. Я вырываю свою руку из его хватки, которую даже не почувствовала.

— Как ты мог? — мой голос срывается на хриплый шепот. — Как ты мог, Сергей? Я отдала тебе все! Всю свою молодость! Всю себя! Я верила в тебя! Я ждала! А ты... все эти годы... у тебя была эта... эта девка и ребенок!

— Не повышай на меня голос, — его лицо снова становится каменным. — И не смей так о ней говорить.

— А как о ней говорить? Как о шлюхе, что спит с чужим мужем? Я расскажу всем! Всем в Москве! Твоим начальникам! Про твою нечестность! Про твой позор! Я подам на развод! И заберу половину всего! Ты думаешь, твои погоны защитят тебя? От измены? От двойной жизни?

Он смотрит на меня с таким холодным презрением, что мне становится физически плохо.

— Все и так знают, Тамара. Все здесь, в городке. И в Москве тоже многие в курсе. Одна ты сидела в своей квартире, как в скорлупе, и ждала меня, верного мужа. Строила планы. Верила в чудо. Ты сама не хотела видеть правду.

— Правду? Что я не могу родить? Так это же не только моя проблема! Врачи говорили, что нужно обследовать и тебя тоже, но ты ведь ни разу не пошел!

— У меня есть сын, — отрезает он ледяным тоном. — Со мной все в порядке. Значит, проблема в тебе. И раз ты не хочешь принимать ситуацию по-хорошему... будет по-плохому.

Он делает шаг ко мне. Я отступаю, спотыкаясь о сугроб.

— Я лучше сдохну, — говорю я, и понимаю, что это чистая правда. — Лучше умру, чем вернусь в этот городок, где за каждой спиной будут шептаться: «Смотри, это жена Ланцова, того, у кого на стороне сын растет». Лучше смерть, чем эта насмешка. Чем твоя жалость.

— Смерть? — он странно усмехается. — Хорошо. Получи.

Он внезапно хватается за руку и тащит от дома, к темной стене леса, что начинается буквально в тридцати метрах. Я пытаюсь вырваться, но его хватка железная. Он сильнее. Всегда был сильнее.

— Пусти! Куда ты? Пусти меня!

— Хотела смерти? Поброди в лесу. Посмотрим, насколько ты сильная без меня.

Мы оказываемся на опушке. Лес — черная, бездонная пасть, поглощающая свет. Оттуда веет сыростью, хвоей и чем-то первобытно-страшным.

— Снимай сапоги, — приказывает он.

— Что?

— Снимай сапоги и иди босиком. Как пришла ко мне когда-то. В дырявых ботинках и с пустыми руками. Поброди в тишине и темноте. Приди в себя. Я приеду через час. Подумай, насколько ты ничтожна без меня и моей защиты.

Он не шутит. В его глазах — серьезность. Он действительно ждет, что я сниму сапоги и пойду босиком в снег, в лес, в двадцатиградусный мороз.

— Ты с ума сошел! Я замерзну!

— Значит, передумаешь насчет смерти. Выбирай. Или идешь, или признаешь, что я прав, и возвращаемся домой на моих условиях.

Я смотрю на него, на этого красивого, статного, чудовищного человека. Моего мужа. Любовь всей моей жизни. И понимаю, что сдаться сейчас — значит умереть заживо. Согласиться быть тенью. Призраком в его двойной жизни. Терпеть его милостыню. Видеть этого мальчика.

— Лучше смерть, — шепчу я.

Медленно, с трясущимися руками, я расстегиваю и снимаю один сапог. Потом другой. Мои ноги в тонких капроновых колготках мгновенно касаются снега. Холод обжигает кожу как огонь.

— Иди, — говорит он.

Я делаю шаг. Потом еще. Снег хрустит под моими ступнями, боль пронзает ноги, поднимается по ногам, впивается в позвоночник. Я захожу под сень деревьев. Оборачиваюсь.

Он стоит у машины, закуривает. Смотрит на меня. Потом разворачивается, садится в машину. Фары освещают стволы деревьев, и я вижу, как машина разворачивается и уезжает. Свет фар исчезает. Наступает абсолютная, всепоглощающая тьма. И тишина. Такая тишина, что в ушах звенит.

«Он вернется, — думаю я, цепляясь за эту мысль. — Он проверяет меня. Он вернется. Он не может просто...»

Но минуты идут. Холод проникает сквозь пальто, пробирается под одежду. Ноги теряют чувствительность, становятся чужими, деревянными. Я начинаю дрожать крупной, неконтролируемой дрожью.

Я не могу здесь просто стоять. Надо двигаться. Может, я выйду на какую-то дорогу? Может, тут есть тропинка?

Я иду наугад, спотыкаясь о корни, хватаясь за стволы. Колготки рвутся о сучья. Темнота такая густая, что я не вижу своей руки перед лицом. Только черные силуэты елей против чуть более светлого неба.

И тогда я слышу звук. Сначала далекий. Потом ближе. Завывание. Протяжное, леденящее душу. Волк.

Потом другой голос присоединяется к первому. И третий. Вой окружает меня, идет со всех сторон. Я замираю, прижимаюсь спиной к толстому стволу. Сердце колотится так, что кажется, выпрыгнет из груди.

«Они далеко. Они далеко. Они не подойдут».

Но вой становится все ближе. Я слышу хруст снега где-то справа. Негромкий, осторожный.

Паника сжимает горло. Я отталкиваюсь от дерева и бегу. Куда глаза глядят. Спотыкаюсь, падаю лицом в снег. Поднимаюсь. Бегу снова. Дыхание рвется из груди клубами пара. Волчий вой теперь прямо за спиной.

Ноги окончательно отказывают. Я падаю, уже не пытаюсь встать. Снег обжигает лицо. Я лежу и смотрю в черное небо, в котором мерцают холодные, безразличные звезды.

«Вот и все, — думаю я с странным спокойствием. — Это мой последний вздох. На этом все и закончится. Он не приехал».

Сознание начинает расплываться. Холод уже не чувствуется. Наступает странная, обманчивая теплота. Руки и ноги больше не болят. Они просто... исчезают.

Сквозь нарастающий туман в голове я чувствую, как кто-то грубо хватается меня. Сильные руки подхватывают меня под колени и спину. Я падаю на что-то твердое, теплое. Пахнет дымом, морозом и кожей. Чужой голос что-то говорит, ругается сквозь зубы, но я не могу разобрать слов.

Я пытаюсь открыть глаза, но вижу только размытые пятна света от фонаря. Потом темнота накрывает с головой. Последнее, что я помню, — это ритмичная тряска и этот странный, чужой, но почему-то не пугающий запах.

Костра и мороза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.